Том 157. кн. 5

Гуманитарные науки

2015

УДК 81-24

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В САНСКРИТЕ: РЕЗУЛЬТАТ ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ НАРЕЧИЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КЛАСС СЛОВ

К.В. Харитонова

Аннотация

В статье дана характеристика наречию как части речи, выявлены критерии отнесения слов к этому грамматическому классу, а также трудности, связанные с описанием системы наречий в древних языках. Рассмотрен процесс прагматикализации наречий, предпринята попытка описать систему дискурсивных маркеров санскрита, генетически связанных с наречиями. Доказано, что рассмотрение текста на древнем языке как компонента дискурса возможно. В связи с тем, что функции слова могут меняться с течением времени, сделан вывод о существовании полифункциональных слов в санскрите.

Ключевые слова: санскрит, наречие, дискурсивные маркеры, прагматикализация, полифункциональные слова.

1. Наречие как часть речи и проблема его описания в санскрите

Грамматический класс наречий состоит из разнородных элементов и пополняется за счёт адвербиализации форм существительных, прилагательных, местоимений и даже глаголов, предлогов (превербов) и частиц. Вопросы о генезисе наречия как части речи, критерии отнесения словоформ к данному грамматическому классу, функции наречий в тексте, а также процессы грамматикализации наречий неоднократно освещались в лингвистической литературе.

В соответствии с *Аṣṭādhyāyī* Панини, наречия и частицы следует относить к разряду служебных частей речи, поскольку они неизменяемы. По мнению В.Н. Топорова, метод описания грамматики, которым пользуется Панини, «можно назвать формальным, поскольку его цель – вскрыть очертания системы... без апелляции к значению» [1, с. 130]. Для адекватного перевода литературных памятников санскрита необходимо правильно определять частеречную принадлежность словоформы, поэтому приходится опираться не только на формальные критерии, но и на семантику словоформ и их синтаксическую роль.

Согласно морфолого-синтаксическому подходу к выделению частей речи обособление наречий как лексической группировки произошло в связи с тем, что основная функция наречия — обстоятельственная: наречие — «характерный представитель обстоятельства» [2, с. 138], «атрибутивный носитель предикативного значения» [2, с. 279]. Благодаря своим синтаксическим функциям наречие обрело такие морфологические признаки, как «неоформленность, застывшая падежная или иная морфологическая форма, отсутствие словоизменения» [2, с. 286].

Для создания механизмов верификации, помогающих определить частеречную принадлежность слова, лингвист может опираться на языковое чутьё, проводить эксперименты, связанные с выяснением сочетаемости слова, рассматривать интонационные характеристики и роль словоформ в актуальном членении высказывания. Для русского языка эти критерии подробно описаны Ф.И. Панковым [3, с. 65]. С его точки зрения, при переходе в разряд наречий словоформа частично теряет свойственные ей изначально смыслы или приобретает новые; изолируется от парадигмы словоизменения; лишается синтагматических связей; у слова меняются словообразовательные возможности. Если лексеме эти свойства не присущи — значит, перед нами сочетание существительного с предлогом. Если имеют место лишь некоторые из свойств — значит, процесс адвербиализации не завершён.

При работе с древними языками опираться на языковое чутьё невозможно, а для выяснения сочетаемости слова приходится исследовать большое количество текстового материала. О некоторых словоформах невозможно сказать точно, являются ли они формой косвенного падежа существительного или сложившимся наречием (даже при рассмотрении контекста). Внутри словарной статьи обычно указывается, что существительное в некоторых падежных формах может выступать в роли наречия, но в подобных случаях приходится говорить о незавершённом процессе адвербиализации. При работе с древнеиндийским материалом адвербиализованной можно считать словоформу, соответствующую какому-либо из следующих критериев:

- отсутствие согласованного определения, связанного со словоформой (при наличии такого определения можно утверждать, что перед нами падежная форма существительного);
  - перенос ударения или изменение долготы гласных;
  - изолирование словоформы от парадигмы словоизменения;
  - изменение компонентов смысла.

Однако и сам класс наречий подвержен дальнейшим изменениям. Границы системы наречий можно считать подвижными в связи с тремя типами процессов:

- 1) адвербиализация других частей речи;
- 2) грамматикализация наречий (превращение наречия в служебное слово или морфему);
- 3) прагматикализация наречий (переход наречия в разряд дискурсивных маркеров).

Процессы грамматикализации и прагматикализации требуют более подробного рассмотрения.

2. Грамматикализация наречий

Диахроническое рассмотрение древнеиндийских наречий-префиксов (превербов) поможет ответить на вопросы о том, являются они полнознаменательными словами или служебными, древнейшей подгруппой класса наречий или нововведением.

С точки зрения Т.Я. Елизаренковой [4, с. 252], класс наречий-префиксов формально почти полностью совпадает с классом предлогов-послелогов. Свойства

этого класса несколько противоречивы: с одной стороны, они могут быть отделены от личной формы глагола другими словами или употребляться самостоятельно, имеют собственное ударение. С другой – в словарях они описываются как словообразовательные единицы и могут составлять часть слова. В простом предложении и главном предложении сложного префикс функционирует отдельно от личной формы глагола. Часто бывает трудно понять, является ли словоформа превербом или предлогом-послелогом при имени. В придаточном предложении наречная словоформа составляет одно слово с личной формой глагола и утрачивает своё ударение. Один глагол может иметь два-три префикса (с самостоятельными ударениями!), но префикс может быть употреблён и без личной формы глагола (глагол опускается, его значение выясняется из контекста). В дальнейшем наречия-префиксы утрачивают самостоятельность и сливаются с глагольными формами (ударение – на глагольной части).

Формально в ведийском языке наречия-префиксы самостоятельны, однако они образуют семантическое целое с глаголом, уточняют направление действия глаголов движения, способны формировать с глагольным корнем новое лексическое значение. При этом они могут также сообщать переходность непереходному глаголу, что следует признать модификацией скорее грамматического значения, нежели лексического, то есть налицо частичная грамматикализация представителей данного класса.

И.И. Богатырёва в статье, посвящённой префиксальному словообразованию в санскрите [5], рассматривает причины утраты префиксами самостоятельности и исчезновения способа префиксации в индийских языках. Система префиксов в санскрите являлась характерной устойчивой частью грамматического строя: префиксы могли иметь деривационное и реляционное значение, префиксация была важным способом словообразования. В ведийском языке существовала также система превербов, сочетавших в себе функции наречий, предлогов-послелогов, частиц. Превербы управляли зависимыми именами, модифицировали значение глагольного корня, свободно употреблялись в предложении. На базе сочетаний с наречиями-префиксами формировались новые антонимические пары глаголов. Употреблённые при одном глаголе, два наречия-префикса могли иметь при себе соединительные союзы. В таком случае глагол (представленный в предложении единожды) обозначал сразу два противопоставленных по значению глагола.

Процесс утраты наречиями-префиксами самостоятельности диахронически можно показать так:

- веды: предлоги-послелоги и префиксы составляют два разных лексикограмматических разряда, но входят в одну общую категорию неизменяемых слов;
- санскрит: префиксы являются словообразовательными морфемами, однако «иногда сохраняют свою былую самостоятельность, выступая в качестве служебного слова предлога или послелога» [5, с. 81].

Таким образом, префиксы в санскрите занимают промежуточное положение между аффиксами и самостоятельными словами. Сама же система префиксов разрастается за счёт усложнения семантики ведийских превербов и путём увеличения количества префиксальных образований. Можно сделать вывод

о том, что процесс грамматикализации части наречий привёл к появлению некоторого количества санскритских префиксов. Наречие, проходя через стадию относительно свободного синтаксически предложно-послеложного слова, становится префиксом, способным модифицировать грамматическое и лексическое значение глагола.

Другой тип грамматикализации наречий описан в монографии Т. Барроу: «...Многие наречия – как древнего, унаследованного типа, так и более новые, падежные формы в функции наречий, – используются для более точной передачи отношения, выражаемого падежной флексией или же в сочетании с ней для выражения отношения, которое не может быть передано одним только окончанием» [6, с. 267]. Примеры подобных слов: tiras 'сквозь', saha 'с, вместе'. Барроу относит такие словоформы к наречиям, однако в словарях эти единицы рассматриваются как омонимичные наречие и служебное слово.

При изучении русских адвербиализованных предлогов было сделано следующее наблюдение: «Акцентируя внимание на структуре и природе таких бифункциональных единиц, можно говорить о процессе адвербиализации предлогов, то есть о пословном переходе лексем из поля предлога в периферийную область поля наречия (обратные случаи "опредложивания" наречий нами не были отмечены ни разу)» [7, с. 465]. В русском языке «бифункциональные наречия и предлоги – результат адвербиализации предлогов» [7, с. 473]. Для санскрита характерна обратная ситуация: превербы являются переходной стадией в процессе превращения синтаксически свободных наречных единиц в префиксы, одна и та же словоформа может выступать как в роли наречия, так и в роли служебного слова (предлога или послелога), уточняющего падежное значение.

3. Прагматикализация наречий и дискурсивные маркеры

Другой путь качественного изменения словоформ, входящих в состав грамматического класса наречий, – прагматикализация. Этот процесс связан с ситуацией специфического употребления некоторых адвербиальных слов. Наречия со значением 'потом', 'далее', 'едва' (eva, tāvat) составляют группу безударных временных маркеров, своего рода вводных слов, обращённых к адресату текста. «Слова-коммуникаторы, как правило, привлекают внимание собеседника, облегчают запоминание и воспроизведение, а в стихотворных текстах помогают соблюдать размер и ритм. Они представляются довольно ранним, возможно, прачиндоевропейским явлением, т. к. вышеуказанные функции важны при устной передаче обширного материала» [8, с. 309]. В отличие от наречий в функции обстоятельства и от превербов, эти слова не имеют тесной связи с глаголом, они скорее относятся к ситуации в целом, показывают порядок следования реплик, маркируют отношения между говорящим и слушающим или указывают на начало/окончание прямой речи. Можно считать, что подобные наречия прагматикализуются и пополняют состав класса дискурсивных маркеров.

Термин *дискурсивные маркеры* (ДМ) обозначает класс синтаксически разнородных явлений. ДМ представляют собой инструмент структурирования дискурса от лексем до специфических синтаксических конструкций; «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [9, с. 390]; такие единицы языка, «которые

придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности» [10, с. 9]. Реального лексического значения они не имеют, но формируют разговорную структуру (например, передают намерения говорящих), то есть при употреблении ДМ важно, «что они маркируют, а не что они означают» [11, р. 221].

В.И. Подлесская и А.А. Кибрик рассматривают ДМ как функционально-регуляторные элементарные дискурсивные единицы. Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) — «это квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперёд» [9, с. 390]. Функционально-регуляторные ЭДЕ «не несут пропозициональной информации и состоят из дискурсивных маркеров, функции которых находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» [9, с. 391]; «одна из функций этого класса дискурсивных маркеров — эшелонировать поток речи, периодически запрашивая у адресата подтверждение, что соответствующая информация поступила своевременно и понята правильно» [9, с. 391].

X. Томмола отмечает: «Теоретическое определение части речи тех или иных дискурсивных слов или систематическое распределение их среди отдельных частей речи русскими коллегами не выполнялось. Ими отмечен неясный в этом отношении статус дискурсивных слов...» [12, с. 410]. Данную группу принято относить к разряду служебных слов (грамматических слов, не обладающих лексическим значением) или частиц, которые пересекаются с наречием. Исследователь даёт такую характеристику подходу к выделению частей речи, свойственному Панини: «Частицы в грамматиках многих языков традиционно представляются как часть речи, в которую "сваливают" слова, принадлежность которых к тому или другому классу не удаётся установить» [12, с. 411]. Многие единицы группы неизменяемых слов полифункциональны или находятся в процессе грамматикализации/прагматикализации: «Употребление наречия может варьироваться в рамках пространственного и темпорального значения, но также распространяться метафорически на функции, где первоначальное (основное) значение стирается» [12, с. 413]. Иными словами, полифункциональное наречие может выступать как в своём основном значении, так и в роли дискурсивного маркера. Таким образом, налицо взаимопересечение трёх подгрупп слов (дискурсивные маркеры, частицы, наречия). Для разграничения этих групп на древнеиндийском материале требуется выработать критерии отнесения словоформы к одной из групп и найти доказательства полифункциональности некоторых представителей этого класса.

Эти критерии и доказательства были разработаны для английских ДМ. Б. Фрэнк-Джоб [13, р. 397] так описывает процесс прагматикализации: в определённом контексте синтагма или словоформа теряет своё пропозициональное значение и становится выразителем значения дискурсивного. Основная функция ДМ, согласно Фрэнк-Джоб, – облегчение коммуникации. Прагматикализованная языковая единица «работает» не на лексическом, а на дискурсивном уровне, то есть показывает взаимоотношение компонентов дискурса. Синхронически процесс прагматикализации представляется, скорее, как полифункциональность некоторых единиц языка. Наиболее склонными к прагматикализации Фрэнк-Джоб признаёт слова и выражения:

- 1) сообщающие говорящему о готовности слушающего к восприятию информации;
- 2) сообщающие адресату о том, что адресант собирается донести до него некоторую информацию (английские *listen*, *look*).

Сигналы такого рода (даже имеющие темпоральное значение, вроде *now*) используются не для описания ситуации, а для маркировки начала коммуникативного акта. Благодаря этой функции ДМ приобретает такую формальную особенность, как частотность употребления. Таким образом, формальные признаки ДМ, которые рассматривает Фрэнк-Джоб, таковы:

- частотность употребления в речи;
- фонетическая редукция;
- синтаксическая изолированность;
- способность к совместному употреблению (в пределах одного высказывания может быть употреблено несколько ДМ подряд);
- возможность удаления ДМ из высказывания без изменения смысла высказывания.

Критерии частотности, изолированности и возможности удаления подходят для работы с древними языками. Но построение гипотез о фразовом ударении и об интонации в санскрите представляется затруднительным, поэтому критерий фонетической редукции применить невозможно, особенно при изучении стихотворных текстов, поскольку в связи с соблюдением размера и относительно свободным порядком слов в сутрах ДМ может оказаться в ударной позиции.

Описанию некоторых признаков дискурсивных слов (ДС) в русском языке уделяет внимание И.М. Кобозева [14]. Она выделяет такие черты ДС:

- 1) неизменяемость:
- 2) неспособность быть ядром синтаксической группы (в отличие от существительных, глаголов, прилагательных и наречий);
  - 3) синтаксическая функция союза или адъюнкта;
- 4) возможность синтаксически связываться как с именной, так и с глагольной группой;
- 5) при нейтральном порядке слов большая удалённость от ядра группы препозитивных «дискурсивных» адъюнктов по сравнению с «недискурсивными».

И.М. Кобозева отмечает и тот факт, что «морфосинтаксическая специфика ДС пока слабо изучена. И объясняется это прежде всего объективной сложностью определения синтаксического статуса ДС – установления элемента (составляющей) предложения, с которым ДС синтаксически связан (в которую он входит), определение характера этой связи и её направления (в случае подчинения)» [14, с. 292].

Критерии, выделенные Кобозевой на материале русского языка, частично совпадают с критериями, разработанными Фрэнк-Джоб для английского, однако есть и существенная разница. Санскрит, как и русский язык, обладает богатой системой склонения имён, поэтому фактор неизменяемости чрезвычайно важен при выделении ДМ на древнеиндийском материале. Однако следует отметить, что данный критерий бесполезен при попытке отличить ДМ от наречия, поскольку отсутствие форм словоизменения характерно для представителей обоих этих классов.

Затрудняет работу на санскритском материале и тот факт, что разделить текст на элементарные дискурсивные единицы практически невозможно, поскольку «ЭДЕ идентифицируются в первую очередь на просодических основаниях — при помощи таких критериев, как наличие тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также паузации» [9, с. 391]. В таких условиях приходится опираться на смысл высказывания в целом и конкретного ДМ, а также рассматривать синтаксические отношения слов в предложении или сутре.

М.У. Колл в диссертации, посвящённой английскому слову *апуway* [15, р. 237], отмечает сложности разграничения функций этой единицы. Автор доказывает, что слово *апуway* не может считаться полифункциональным, поскольку даже в своих наречных употреблениях передаёт дискурсивные значения, следовательно, данную единицу можно уверенно признать ДМ. Использоваться этот маркер может для выражения пренебрежения (показатель того, что предыдущая реплика не важна), контрастивного и модифицирующего (уточняющего) значения. Для каждого из этих употреблений Колл приводит синонимичные дискурсивные маркеры. В связи с тем, что синонимические ряды для разных значений данного ДМ разные, мы можем сделать вывод о размывании семантики этой словоформы – именно по этой причине слово *апуway* нельзя считать полифункциональным.

Поскольку метакоммуникация важна для согласования общения, исправления ошибок и контроля, дискурсивные маркеры представляют особый интерес как слова, организующие дискурс и показывающие соотношение его компонентов. Это важно для устного общения, но следует помнить, что многие санскритские памятники являются записями некогда существовавших в устной традиции текстов. Стоит отметить и тот факт, что во многих произведениях имеются цитаты, обращение к слушателю и объёмные вставные эпизоды. В таких условиях для слушателя — и позднее читателя — важно иметь представление о том, где происходит смена говорящего (мена ролей) или начинается следующий эпизод. Например, в санскритских текстах употребляется цитационный маркер *iti* 'так', который показывает переход от чужой речи к собственной речи рассказчика:

sa taiḥ pṛṣṭastathā samyagamitojā mahātmabhiḥ pratyuvācārcya tān sarvān maharṣ̄mçrūyatām**iti** (М. І:4) ^{1} . – «Он, имеющий огромную силу, спрошенный ими, обладающими великой душой, должным образом поприветствовав всех великих риши, ответил **так**: "Да будет услышано!"» ^{2}

В словарях принято относить эту единицу к разряду несклоняемых слов или частиц. Слово *iti* не имеет грамматического значения и употребляется в тексте после прямой речи для указания на её окончание. Поскольку ни в одном контексте данная единица не встречается в роли полнознаменательного слова и в словарях нет указания на то, что она может быть наречием, можно заключить, что единственная функция *iti* – дискурсивная. Синтаксических связей между данным словом и полнознаменательными словами не прослеживается, значит, можно сделать вывод, что перед нами представитель класса ДМ.

¹ Примеры даются в упрощённой транслитерации.

 $^{^{2}}$ Здесь и далее перевод с санскрита наш. – *К.Х.*

Нужно отметить также тот факт, что ДМ *iti* имеет синоним глагольного происхождения. Часто цитационным маркером в санскритском тексте может служить глагол *ah* 'говорить', имеющий только формы 3 л. перфекта. Он не лишился способности употребляться в предложении в качестве сказуемого, однако в связи с утратой парадигмы и способностью употребляться в постпозиции к основному высказыванию можно считать его полифункциональным словом, выступающим и в предикативной, и в дискурсоорганизующей функциях. Аналогичные глаголы с тем же значением и неполной парадигмой можно встретить в других языках: *ol* и его более поздний вариант *ar* в древнеирландском (только формы 3 л. перфекта), *ди* в татарском (только формы 3 л., употребляется как цитационный ДМ) и даже русское *гыт/грит* (безударное образование от *говорит*). Последнее обычно относят к разряду частиц и называют ксенопоказателем [16, с. 284].

В грамматике Барроу содержится краткое описание некоторых санскритских ДМ. Раздел, посвящённый рассмотрению этого класса, назван «Различные наречия и частицы» [6, с. 265]. Исследование этимологии частицы *eva* подтверждает мысль о разнообразии генетических связей ДМ (в данном случае — о возможности образования ДМ от основ числительных): «Частицу *eva* 'только' можно отождествить с основой для понятия 'один'. <... > Из различных частиц утвердительного характера можно упомянуть *aṅga* 'истинно', *hanta* (выражает возбуждение), *kila* 'конечно', *khalu* 'действительно', *tu* 'но', *hi* 'так как'» [6, с. 265]. Рассмотрим пример употребления одного из перечисленных ДМ в тексте:

sarveṣāmapi caiteṣāṃ vedasmṛtividhānataḥ gṛhastha ucyate çreṣṭhaḥ sa trīnetān bibharti hi (М. І:89). — «Из всех этих, согласно Ведам и текстам Смрити, стадия домохозяина называется лучшей, ведь она предполагает эти три [названные стадии]».

Слово *hi* имеет значение 'ведь, так как' и является полифункциональным, поскольку может употребляться в роли несклоняемой частицы, союза и наречия (по данным словарей). Если это слово учитывается при переводе текста, то оно, как правило, является союзом. Если при переводе его можно опустить, то в соответствии с критерием удаления мы можем относить данную частицу к классу ДМ – лексических маркеров устности, каковыми могут считаться также упомянутые Барроу частицы утвердительного характера.

Большое значение имеют и маркеры авторитетности – класс дискурсивных средств, имеющих функцию указания на авторитет источника сообщения. «Эта группа метакоммуникативных маркеров включает как вербальные (дискурсивные маркеры типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат), так и невербальные (гербовая печать, подпись, логотип и т. п.) знаки авторитетности. Вербальные (текстовые, дискурсивные) маркеры авторитетности могут быть как прямыми, так и косвенными. Прямое указание на авторитет осуществляется посредством словесных и фразовых средств, в которых указан источник сообщения, авторитетность которого маркируется.

Косвенное указание выражается через рассыпанные в тексте сравнения, оценки, ссылки на мифологемные стандарты и т. д.» [17, с. 62]. В санскрите прямым вербальным маркером авторитетности является указание на священные тексты:

sarve 'pi kramaçastvete **yathāçāstraṃ** niṣevitāḥ yathoktakāriṇaṃ vipraṃ nayanti paramāṃ gatim (M. VI:88). — «Все эти [4 стадии жизни], последовательно пройденные,

как сказано в Шастрах, ведут брахмана, делающего, как предписано, к высшей цели».

Сложное слово yathāçāstraṃ буквально значит 'как в Шастрах', хотя в словаре даётся также перевод 'по правилам', 'как предписано', и относится к разряду наречий. Оно имеет синонимы, построенные по той же словообразовательной модели: yathādharmam 'по правилам', yathāyogam 'соответственно', yathāyogyam 'должным образом' и др. Практика перевода показывает, что эти слова, несмотря на свою внутреннюю форму, не всегда указывают на конкретный текст, а могут употребляться в качестве маркеров авторитетности. При этом они могут как модифицировать значение глагола и быть синтаксически связанными с ним (наречное употребление), так и иметь обособленное положение (употребление в качестве ДМ).

В дальнейшем представляется необходимым рассмотреть древнеиндийские произведения, относящиеся к разным периодам, поскольку, как мы уже видели на примере наречий-префиксов, функции некоторых единиц или даже целого класса могут меняться с течением времени. О важности диахронического взгляда на дискурс пишет, например, Э. Трауготт [18, р. 538], отмечая, что с изменением социальных реалий меняются условия бытования текста. Руководствуясь этим принципом, она исследует диахроническое развитие английского ДМ after all [18, р. 556]. В древнеанглийском after – пространственный и временной предлог ('за', 'после'), в сочетании с существительным означавший 'в соответствии с'. В контекстах, относящихся к XVI в., after all – темпоральное наречное образование, которое находится в конце предложения или после союза and. В тексте XVII в. это сочетание начинает использоваться в роли ДМ (= finally), хотя наречные употребления также сохраняются. К началу XVIII в. за данным выражением закрепляется дискурсивное использование: становится возможным употребление after all в начале предложения (чаще придаточного). Подобный путь развития можно обнаружить и у древнеиндийских дискурсивных слов при диахроническом рассмотрении их употребления.

Итак, сходства между наречием и ДМ в санскрите (отсутствие форм словоизменения, способность синтаксически связываться с глагольной и именной группой, богатство генетических связей) и наличие полифункциональных слов, выступающих как в значении наречий, так и в функции ДМ, приводят к выводу о необходимости выработки критериев отнесения словоформ к тому или иному разряду или объяснения полифункциональности таковых словоформ. Различия, обнаруженные между наречиями и ДМ (синтаксическая изолированность и размывание семантики последних), помогают установить эти критерии. Наблюдения над прагматикализацией и грамматикализацией наречий позволяют проследить пути развития полифункциональных слов. Чёткое разграничение ДМ и наречий на материале древних языков даёт возможность не только адекватно переводить тексты, но и создавать программы для машинного перевода, а также имеет значение для разработки типологической теории дискурса и исторической прагматики.

Summary

K.V. Kharitonova. Discourse Markers in Sanskrit. Pragmaticalization of Adverbs and Independent Group of Words.

The paper considers adverbs as a part of speech. Criteria for their attribution to this grammatical class are revealed. Difficulties associated with the description of the system of adverbs in the ancient languages are discussed. The process of pragmaticalization of adverbs is analyzed. An attempt is made to describe the system of adverb-based discourse markers in Sanskrit. It is proved that a text in the ancient language, such as *Manusmṛti*, can be regarded as a discourse component. Since words may alter their functions over time, it is concluded that there are multifunctional words in Sanskrit.

Keywords: Sanskrit, adverb, discourse markers, pragmaticalization, multifunctional words.

Источники

M. – Manu-Smṛti // TITUS. – URL: http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/postved/dhs/manu/manu.htm, свободный.

Литература

- 1. *Топоров В.Н.* О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Крат. сообщ. Ин-та народов Азии: Сб. памяти Ю.Н. Рериха. М.: Изд-во вост. лит., 1961. Вып. LVII. С. 123–133.
- 2. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.; Л.: АН СССР, 1945. 322 с.
- 3. *Панков Ф.И.* К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 2: фрагмент на букву «Б» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. 2005. Вып. 31. С. 64–94.
- 4. Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982. 439 с.
- 5. *Богатырёва И.И.* Префиксальное словообразование санскрита в историческом освещении // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. 2000. Вып. 15. С. 77–86.
- 6. *Барроу Т.* Санскрит / Пер. с англ Н. Лариной. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
- 7. *Патаракина Е.О.* Взаимодействие русских наречий и предлогов на периферии функционально-грамматических полей // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. 2013. Вып. 47. С. 464–478.
- 8. *Харитонова К.В.* Функции наречий времени в санскрите и древнеирландском языке // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. по сравнит.-ист. языкознанию. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 307–309.
- 9. Подлесская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». 2009. Вып. 8 (15). С. 390—396.
- 10. *Киселёва К.*, *Пайар Д*. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: Сб. ст. М.: Азбуковник, 2003. С. 8–27.
- 11. *Blakemore D.* Discourse Markers // The Handbook of Pragmatics / Ed. by L.R. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell Publ., 2006. P. 221–241.
- 12. Томмола X. Прямо прямо идёт, а с нею не разминёшься (о статусе дискурсивных слов и частиц) // С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by J. Lindstedt. Helsinki, 2008. С. 410–420.

- 13. *Frank-Job B.* A dynamic-interactional approach to discourse markers // Approaches to Discourse Markers / Ed. by K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 395–413.
- 14. *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Тр. Междунар. конф. Диалог'2005 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: Наука, 2004. С. 292–297.
- 15. *Coll M.U.* 'Anyway': A Formal Approach to the Syntax and Semantics of Discourse Markers: A Thesis Submitted for the Degree of PhD. Univ. Essex, 2009. 250 p.
- 16. *Левонтина И.Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». 2010. Вып. 9 (16). С. 284–288.
- 17. *Сухорукова Н.И*. Лексические маркеры авторитетности источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. 2011. Вып. 42. С. 56–68.
- 18. *Traugott E.C.* Historical Pragmatics // The Handbook of Pragmatics / Ed. by L.R. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell Publ., 2006. P. 538–562.

Поступила в редакцию 05.04.15

Харитонова Ксения Валерьевна — аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: kvkharitonova@mail.ru